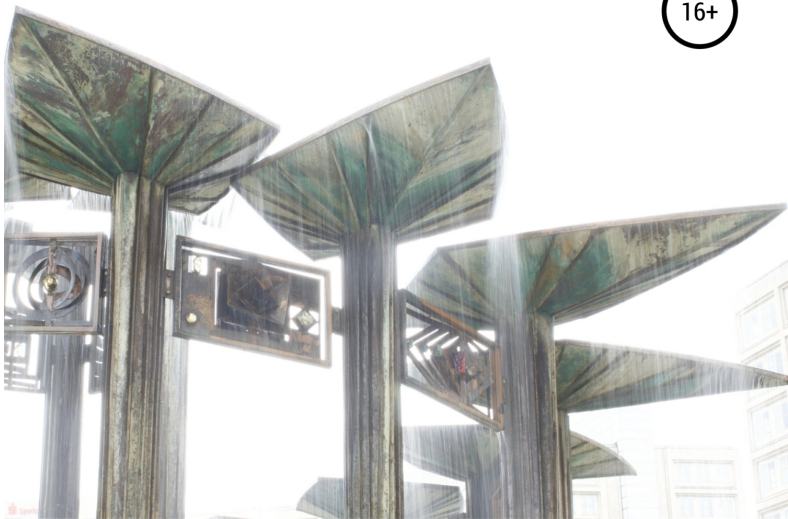

А. Геллер

16+

На мелкие части

Аллегра Геллер
На мелкие части
Серия «Мир Блэкаута», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67268922

SelfPub; 2022

Аннотация

Марк, молодой стажер, получает от владельца галереи карт-бланш на покупку любых произведений искусства на закрытом показе в Берлине.

Очередная история про арт-дилера Ясона из мира Блэкаута.

Содержание

Аллегра Геллер

На мелкие части

It appears we just got Banksy-ed
Alex Branczik

– Держи. – Ясон протянул Марку хрустящий бумажный пакет, из которого настойчиво пахло азиатской едой.

– Вьетнамское? – спросил Марк обреченно.

– Берлинское, – ответил Ясон, садясь рядом на деревянную скамейку на краю контейнера, в котором уютно устроился небольшой клен. – Плод нежной любви американского бургера с креветками по-азиатски. Если увидишь это в другом городе – никогда не пробуй. Такая адская смесь съедобна только здесь.

Ясон вынул бургер из своего пакета, откусил большой кусок и с явным наслаждением прожевал. Марк по-прежнему с опаской разглядывал свою порцию.

– Остынет, – прокомментировал Ясон, отхлебнув кофе. – Я тебя заверяю, что есть на сегодняшнем фуршете будет нечего. Органическая немецкая кухня – это гораздо более странно, чем то, что я тебе принес.

– Я не собираюсь много пить, – вздохнул Марк и откусил наконец кусок. Сок потек по пальцам, Марк чертыхнулся и, копируя продуманную, как выяснилось, позу Ясона, раздвигая

нул ноги пошире и слегка наклонился вперед, чтобы не за-
капать парадные темные брюки.

– Хорошо, что не собираешься, – прокомментировал Ясон, продолжая с видимым удовольствием расправляться с едой. – Только «много» по местным меркам и я не выпью. А тащить тебя до отеля на руках мне сегодня не хочется. – Он ненадолго замолчал, потом продолжил: – Превентивные меры – самые лучшие.

Марк смирился со своей участью и продолжил жевать. Бургер оказался не так уж и плох. Туда-сюда сновали велосипедисты, где-то вдалеке гроыхал трамвай.

Обычно сдержанный, даже немного чопорный Ясон сегодня казался очень расслабленным, в его движениях появилась незнакомая Марку свобода, что особенно резко контрастировало со смокингом, и белой рубашкой с запонками, и классическим пальто. Впрочем, ворот рубашки был слегка растегнут, а кашне, концы которого обычно лежали педантично ровно, тоже получило команду «вольно» и едва ли выполняло свою историческую функцию защиты от ветра – в художественной небрежности размещалось где-то в районе шеи.

При этом Ясон ухитрился даже крошки на себя не проронить, подумал Марк, костюм которого от капель сладкого соуса спасала только реакция хозяина.

Ясон уперся правой ногой в каменный бордюр мостовой и, дважды чиркнув зажигалкой, закурил. Марк, доев, взял в

руки еще горячий бумажный стаканчик зеленого чая и попинал ногой ржавые листья, скопившиеся рядом с лавочкой. Запах сигаретного дыма смешивался с ароматом кофе, который Ясон пил через край стакана, заранее избавившись от белой пластиковой крышки.

Мимо пронеслась очередная стайка велосипедистов, следом одиноко прошуршал по булыжнику автомобиль. Марк поискал глазами телебашню – она услужливо показалась в просвете между домами. Закатное солнце рыжим подсвечивало стеклянный шарик под изящной иглой.

Марк чувствовал себя неуютно: первая поездка вдвоем с Ясоном на покрытый тайной модный перфоманс, полный карт-бланш на покупку объектов для галереи от Елены – от открывшихся возможностей кружилась голова. При этом его пугало, что все происходящее может оказаться очередной проверкой и нужно будет, как на экзамене, собраться с силами и выдать блестящий результат.

Этот странный, незнакомый Марку город с длинным шрамом на змеиной коже мостовых – там, где была когда-то Стена, – завораживал, гипнотизировал, увлекал. Марк не мог сосредоточиться на предстоящем мероприятии и задавить чувство жадного интереса к узким улицам с яркими и подчас талантливыми граффити на стенах, а еще восторга от поразительных и нелепых громадин конструктивистских зданий ГДР – бетона больше, чем стекла, – и оглушительного эффекта Потсдаммер-плац, на которой, презрев все законы ис-

кусства и гравитации, упражнялись в дизайне лучшие архитектурные бюро мира.

Двойственное, разделенное это состояние досаждало Марку, но вполне соответствовало Берлину.

Ясон докурил и отправил сигарету в мусорный бак, следом за бумажным пакетом, и взглянул на часы.

– У нас еще минут двадцать. Прогуляемся?

Марк кивнул, хотя еще двадцать минут ожидания показались просто невыносимой пыткой. Он встал, на всякий случай отряхнул пальто, взял в руки шляпу и последовал за Ясоном.

Шляпа, которая в Инсбруке казалась таким удачным решением, теперь доставляла Марку массу беспокойства. Он серьезно переживал за ее уместность и то снимал, то снова надевал, и завидовал Ясону, который чувствовал себя в Берлине свободно.

Ясон наконец заметил «шляпную дилемму» Марка, когда тот в очередной раз снял замученный головной убор и скептически осмотрел его. Ясон забрал шляпу из рук Марка, надел ему на голову, небрежно примял в середине и прокомментировал:

– Оставь так. А теперь выдохни. Это Берлин. Здесь всем абсолютно все равно, как ты выглядишь. Лучше посмотри вот на это.

Марк обернулся.

Они стояли в небольшом туннеле под мостом. С одной

стороны был виден парк, с другой – какие-то старинные здания, набережная реки и газон, где на раскладных стульях отдыхали люди. Солнечный свет оттенка дворовой кошки делал картинку по-настоящему идиллической. Где-то ближе к реке играл уличный саксофонист.

Прямо перед Марком была стена, покрытая кислотным граффити. Солнце освещало только часть изображений, и одно из них – лицо девушки, наполовину человеческое, наполовину механическое, – притягивало взгляд. Возможно, сказывался эффект необычного освещения, но лицо казалось очень нежным и тонким, а выражение человеческого глаза – очень грустным, и Марку вспомнились образы Девы Марии со старинных икон. Волосы девушки распадались по сторонам, превращаясь в другие рисунки.

Приглядевшись внимательнее к механическому глазу, Марк различил в витиеватой радужке QR-код. Считав код, система вирт-браслета развернула перед Марком широкий экран с двумя блоками по центру: «Yes/No».

Марку понадобилось несколько секунд, чтобы оценить вероятность, что программа – вирус, убедить себя, что браслет старый и его давно пора менять, вспомнить, не хранит ли он где-нибудь платежные коды, и повторить два раза про себя телефон Коллина – как оберегающее заклинание и на случай, если потребуется оперативная помощь. Потом любопытство взяло верх, и Марк нажал «Yes».

Панель заискрилась, и на ней возникло изображение де-

вушки, теперь объемное и в полный рост. Руки она держала перед собой, и у Марка возникло четкое ощущение, что она видит на своих ладонях нечто безмерно тонкое, недоступное зрению людей. Сместившись вправо, Марк увидел, как девушка целиком превращается в механизм, а перейдя налево, проследил еще одну волну трансформации, когда металлические части одна за другой становились кожей, и девушка становилась человеком. «Перерождение» – гласила надпись на рукаве ее фантастического одеяния. Ниже, тенью от волос на стену падало лого автора – SAND.

– Просто, но интересно, – констатировал Марк и повернулся к Ясону. Тот стоял на темной стороне тоннеля, прислонившись к стене, и курил. Марк почувствовал, как заливается краской. – Ты опять меня проверяешь?

Ясон, похоже, искренне удивился.

– Да нет, зачем? Ты уже прошел все проверки. Я просто наслаждаюсь представлением. В этом городе я вообще всем наслаждаюсь, – сказал он, стряхивая пепел в пыль и снова затягиваясь.

Чтобы отвлечься, Марк спросил:

– Как тебе самому эта штука?

– Мне больше нравится не сама работа, а то, как она вписана в эту арку, в ландшафт. И то, как она взаимодействует с тобой.

– Если честно, Берлин меня ставит в тупик, – решил сказать Марк, снова обходя двустороннюю девушку. – Клас-

сический спор, про граффити, стрит-арт и прочее несанкционированное самовыражение: искусство это или вандализм? В этом городе оба ответа верные. Зависит от места. Или от точки зрения – в буквальном смысле.

Ясон улыбнулся, и Марк понял, что такую его улыбку тоже видит впервые.

– Оба верные – и оба неверные. Здесь это среда, environment. Ландшафт. Неотъемлемая часть пейзажа. Кардиограмма города. Но это всего лишь мое мнение, дипломированный искусствовед – ты, – снова улыбнулся он своей свободной улыбкой и затушил сигарету о край урны у входа в тоннель.

Солнечный луч стек с лица девушки ближе к краю арки и скоро должен был исчезнуть совсем.

– Пойдем, машина ждет.

Ехать пришлось минут двадцать. Марк замороженно следил за серыми зданиями в оспинах граффити за окном. Машина пересекла Шпрее, на покинутом берегу слабо светилась громада недавно восстановленной Мерседес-Бенц-арены, каждый день изменявшей форму благодаря виртуальным панелям. Солнце уже село, оставив в воздухе потеки розово-сиреневой акварели. Вдоль дороги потянулись складские районы – здесь прятались самые знаменитые ночные клубы мира. Никакой яркой голографии, никаких огней или ярких вывесок снаружи не оказалось: шкатулка Пандоры плотно закрыта, в щелочку не подсмотреть.

Ясон вынул из кармана пальто шелковый галстук-бабочку и аккуратно завязал его на шее, используя встроенный в кресло черный экран вместо зеркала. Марк настолько в себя не верил, поэтому завязал бабочку еще в номере и теперь поправил ее кончики до положения идеальной симметрии.

Машина остановилась, и Марк последовал за Ясоном вдоль каких-то заброшенных трамвайных путей вглубь складских зданий к реке. Марка в очередной раз раздражала эта берлинская раздвоенность, когда в приглашении на перфоманс черным по белому – вернее, белым курсивом по плотной черной карточке – было написано, что форма одежды Black Tie, а идти предполагалось по довольно пыльной дороге. Наконец они свернули к деревянным воротам, у которых собралась небольшая очередь из торжественно одетых людей. Постояв пару минут, они вошли внутрь мимо рамок металлоискателей и десятка недружелюбных охранников с собаками, чтобы оказаться на берегу Шпрее.

Ясон отдал свое пальто фрау в импровизированном гардеробе, устроенном рядом с хлипкими пляжными шкафчиками. Марк последовал его примеру, потом усилием воли заставил себя спокойно выдохнуть и оглядеться.

Они оказались на одном из городских пляжей. Песок был закрыт временным помостом из прочного темного пластика, по центру шла деревянная дорожка из постоянных мостков, парой лестничных пролетов спускалась вниз, расширялась до деревянного прямоугольника размером с небольшой

танцпол, а дальше спускалась к бассейну, который находился прямо в реке. В бассейне отражались последние яркие всполохи неба.

Над всем пространством тлели рыжие инфракрасные светильники, дававшие незначительное количество света, но достаточное количество тепла, чтобы мужчины в смокингах и дамы в вечерних платьях чувствовали себя комфортно без верхней одежды, несмотря на холодный осенний ветер с реки.

Вопреки снова покорившей биеннале классической музыке в воздухе звучала какая-то электроника, достаточно мрачная, но завораживающая. Загадочный мужской голос сначала признавался в любви к небоскрегам, а потом изложил:

«Porn dogs sniffing the wind for something violent they can do.

Porn dogs sniffing the wind, sniffing the wind for something new».¹

Ясон, тоже различивший эти слова, усмехнулся:

– Незатейливый юморок у «the smile».

Марк кивнул.

Перформанс «the smile» был причиной их с Ясоном неожиданной поездки в Берлин. Эта группа современных художников порядком нашумела в последнее время, декларируя свою приверженность аналоговому искусству и игнорируя всякие

¹ Трэк Mmm Skyscraper I Love You, группа Underworld, альбом dubnobasswithmyheadman, который и звучит саундтреком весь вечер

навороты цифровизации. Их работы были достаточно агрессивны – выжженные холсты с рисунками, отбеленные флаги, залитые кислотой копии известных инсталляций. Сегодняшний перформанс обещал «переход на новый уровень» и заинтересовал Елену, которая отправила Марка с Ясоном, а сама уехала на пару дней в какую-то романтическую глушь с Версандезом.

Ясон представил Марка нескольким коллекционерам, очаровательной китаянке-журналистке и немцу-галеристу в навороченной инвалидной коляске. Следуя примеру Ясона, Марк взял с подноса проходящего мимо официанта бокал игристого и соблазнился на какую-то тарталетку. Чрезвычайно странное на вкус сочетание – сырые грибы и сырая рыба с каким-то сливочным соусом – заставило Марка мысленно поблагодарить Ясона за своевременный перекус.

Ясон казался чуть более напряженным, чем в городе. Марк внимательно присмотрелся к нему и решил, что он кого-то ждет. Его догадки оправдались, когда Ясон произнес: «Подожди меня здесь», – и, подхватив бокал розового с подноса, направился к бассейну, где на самой высокой деревянной площадке стояла женщина.

Разговор, разумеется, слышно не было, но Марк с удовольствием наблюдал разворачивающуюся на фоне погасшего неба сценку. Ясон подошел к женщине и, наверное, назвал ее по имени, отпустил какую-то свою шутку. Она обернулась – изящный силуэт на фоне неба, узкое платье чуть за коле-

но с драпировкой на плечах – и что-то сказала ему в ответ. Он протянул ей бокал, она взяла его, – тонкий браслет на руке блеснул, отразив электрический свет, – ее пальцы соприкоснулись с его пальцами, и бокал задержался в воздухе чуть дольше, чем должен был. Ясон что-то сказал – женщина рассмеялась, обернулась, показала вдаль, опираясь на парапет. Ясон встал рядом, положив одну руку в карман брюк, другую поставив рядом с ее рукой. Женщина наклонилась, как бы невзначай прижавшись к Ясону. Марку вдруг стало абсолютно понятно, куда заведет босса вечером эта игра, и он отвернулся, чтобы не оказаться свидетелем какой-нибудь откровенной сцены, которая окажется по берлинским меркам вполне невинной.

– Ну-с, молодой человек, что вы ждете от этого перформанса? – спросил его скрипучим голосом один из ранее представленных коллекционеров, оказавшийся напротив Марка.

Марк, стараясь излучать уверенность, улыбнулся:

– Я слышал, что «the smile» считают себя продолжателями идей Раушенберга. Может быть, приведут живого барана вместо чучела?

Коллекционер усмехнулся.

– Думаю, они имеют в виду кое-что другое. «Перерождение на ваших глазах, когда любая, даже самая неудачная работа, становится шедевром», – процитировал он приглашение. – Кто писал им этот дурацкий текст? Не спорю, они ведут себя интригующе, но иногда все это похоже на дешевый

балаган.

– Вряд ли дешевый, – убежденно ответил Марк. – По итогам перфоманса можно будет приобрести «шедевры», и стоить они будут немало.

– Это точно! – воскликнул коллекционер. – Ладно, посмотрим, на что они способны. О, здесь, кстати, господин Крецнер – знаете его?

Марк отрицательно покачал головой, разглядывая невысокого мужчину лет сорока, стоявшего неподалеку.

– Приятный мужчина, промышленник, одно время увлекался стрит-артом – от начала XXI века до наших дней. У него, например, значительная коллекция трафаретов Бэнкси и пара кусков стен с картинами, а еще армия юристов, которая обеспечила покупку этих стен у жильцов домов – в свое время. Недавно его бизнес накрылся, и сейчас он потихоньку распродает свою коллекцию, но все еще интересуется новинками. Пойду поздороваюсь, – сказал коллекционер и откланялся.

Марк перекинулся парой слов с заскучавшей было китаянкой и направился за очередным бокалом, когда его нашел Ясон и представил своей спутнице.

– Ева, это Марк, новый сотрудник «Арго», прошедший суровую школу Елены. Марк, Ева – моя старая подруга, историк искусств. Специализируется на изобразительном искусстве начала XX века.

– Хорошее начало, Марк. Елена – отличный специалист и

прекрасный наставник.

Глаза у Евы оказались серыми и какими-то необыкновенно большими, под изящным разлетом густых темных бровей. Очередная уверенная в себе и состоявшаяся красотка «Ясон-стайл», решил про себя Марк. Он пролепетал что-то светски-подобающее, сделал глоток из подвернувшегося кстати бокала и, справившись с первым впечатлением, продолжил беседу, украдкой поглядывая на Ясона.

Ясон был на редкость тихим, только изредка вставлял свои искрометные шуточки, заставляя Еву хохотать и показывать ряд белых и крупных зубов. В целом он выглядел как кот, нажравшийся сливок, и прямо-таки лучился от удовольствия, неспешно рассматривая другой берег Шпрее с россыпью огней.

Ева очень быстро завоевала расположение Марка, и через десять минут они уже были на «ты». Ева была не такая идеально элегантная в одежде и движениях, как Елена: из высокой прически выбивались длинные темные пряди, из декольте справа диверсантом выглядывал краешек кружевного белья. У нее были длинные тонкие руки и слегка мальчишеские, нескладные движения – тем не менее впечатление Ева производила неизгладимое, в том числе благодаря легкости манер и живому уму.

Ясона увлек в сторону какой-то знакомый. Заметив замешательство Марка в выборе закусок, Ева кратко ввела его в курс сложной системы знаков, которые по форме объекта

помогали определить его содержание, и ему наконец удалось заполучить нечто безопасное и вполне сносное на вкус. Вконец очарованный, он прихватил еще пару канапе на ядовито-розовых шпажках и расправился с ними, пока Ева, присев на парапет, отвечала на вопросы про Берлин.

В какую-то секунду разговор затих, и Марк, наблюдая за возвращающимся Ясоном, неожиданно сам для себя выдал:

– Никогда не видел его таким... расслабленным?

Ева хохотнула.

– Не представляешь, сколько сил было на это убито. Он не расслабленный, он просто наслаждается всем происходящим. Смакует. В Берлине у него это на редкость хорошо получается. А в офисе он не такой?

– Не-а, – протянул Марк. – Он всегда энергичный, уверенный в себе, но не такой... свободный.

Вскоре над площадкой в воздухе развернулся символ группы «the smile». Мужской голос объявил, что перформанс начнется через пятнадцать минут и зрителям надлежит проследовать к большому складскому помещению напротив.

Ева залпом допила бокал и сказала:

– На представление не пойду, видела предыдущее.

– И что там? – спросил Марк.

Ева склонила голову на бок и произнесла:

– Не могу сказать, подписала соглашение о конфиденциальности. Но мне очень интересно будет узнать твое мнение. И твое, – продолжила она, прыгивая с парапета и глядя на

наблюдающего за ней Ясона. – Интересно, как ты к этому отнесешься и сколько будешь готов за это заплатить.

Ясон улыбнулся:

– Сегодня за это отвечает Марк. Я здесь исключительно из любопытства, раз уж приглашение прислали изначально мне.

– Тогда удачи, Марк. Не прогадай с покупкой, – ответила Ева, перебрасывая Марку свою электронную визитку. – Обращайся, если потребуется совет по Берлину.

Марк перебросил Еве визитку в ответ.

Они подошли к гардеробу, и Марк снова оказался свидетелем удивительной сцены. Когда Ясон помогал Еве надеть пальто, его пальцы как будто невзначай медленно скользили по ее коже. Он наклонился к ее уху и что-то сказал – темные пряди колыхнулись от его дыхания, Ева улыбнулась, застегивая пуговицы, и повернулась к нему – все как будто слегка замедленно, словно и Ева, и Ясон двигались под водой.

– До встречи! – произнесла Ева и направилась к деревянным воротам.

Марк и Ясон оделись и последовали в ту же сторону.

После заката облик улицы несколько изменился: ее освещали фонарики красного цвета, что делало улицу между складами похожей на коридор из какого-нибудь хоррор-фильма. Ясон в пару затяжек выкурил сигарету, и они с Марком зашли внутрь.

В помещении стояли простые черные складные стулья, на

которых предлагалось размещаться зрителям.

Состоялась короткая процедура подписания соглашений о конфиденциальности, которые обязывали всех присутствующих не распространяться и не обсуждать содержание перфоманса группы «the smile» до официального опубликования информации о нем. Юристы Ясона довольно долго препарировали бедное соглашение, чтобы доложить, что его нарушение не несет никаких финансовых или иных рисков для подписанта, из чего Марк сделал вывод, что группа «the smile» надеялась на распространение слухов.

Марк облизал губы и начал рассматривать разношерстную публику, заметив китайку, коллекционера и того самого Крецнера, который, кстати, сидел на первом ряду.

Наконец прозвучал громкий троекратный гудок, свет погас, и аудитория затихла.

Занавес упал, открыв сцену, на которой было установлено три больших темных куба без передней поверхности, отделенные от зрительного зала прозрачной перегородкой. По центру левого стояло небольшое полотно с белыми рисунками на темном фоне, в котором Марк узнал работу Твомбли, в центральном размещался один из Рейнских соборов Моне, в левом – вертикальная «полочная» скульптура Джадда. Марк попробовал догадаться, что же объединяет все три произведения, но сходства не нашел и стал ждать, что же произойдет дальше.

Голос сверху произнес:

– Перед вами оригиналы работ, которые сами авторы считали не самыми удачными своими творениями. Доведя их жизненный цикл до конца, мы подарим им вечную славу в новой форме.

По залу раздалось несколько смешков, и Марк почувствовал, как Ясон напрягся.

– Раушенберг, – произнес он. – Стер картину де Кунинга². Это и правда оригиналы, хотел бы я знать?..

Марк не знал, что ответит, отгоняя гнетущее предчувствие катастрофы.

В тишине родился скребущий звук. Пятеро человек в масках и одетые в черные костюмы с надписью «the smile» выкатили на сцену тележку. Один взял в руки приспособление, похожее на автомат, и направился к картине Твомбли, трое других подошли к Моне, и еще один, осторожно держа в руке капсулу с какой-то серебристой массой с металлическим отливом, приблизился к творению Джадда.

Черные фигуры приняли картинные позы, и в тишине прозвучал резкий диссонансный органнй аккорд. Фигуры пришли в движение. В руках первого ожил огнемет, и изогнутые плоскости Твомбли мгновенно исчезли в пламени. Тройка в центре подошла к картине, в руках блеснули ножи, и они начали методично разрывать полотно на части. По-

² В 1953 году Раушенберг продемонстрировал всем работу под названием «Стертый рисунок Де Кунинга» (Erased De Kooning Drawing): реальный карандашный набросок Виллема Де Кунинга (Willem de Kooning), который был стерт.

следний человек разбил стеклянную капсулу о верхнюю из «полочек», и из нее растеклась серебристая жидкость, которая почти сразу загорелась сиреневым пламенем, и полочки стали одна за другой разваливаться на части, падая художественной кучкой к ногам человека в черном.

Марк еле удержался, чтобы не вскочить, как некоторые зрители. Он посмотрел на Ясона. Тот сидел точно так же, как и в начале перформанса, – расставив ноги, упершись в них руками и сцепив пальцы – и смотрел на сцену. В отсветах химического сиреневого пламени казалось, что его лицо постоянно меняет выражение, хотя на самом деле он был совершенно неподвижен. Неожиданно Ясон встал и, не дожидаясь окончания и не обращая внимания на возмущенные восклицания других зрителей, вышел из зала.

Марк не мог сдвинуться с места. У него возникло тягостное и грустное чувство, что в мире в очередной раз произошло нечто непоправимое.

Огонь в крайних кубах погас. Черные люди сошли со сцены и неспешно удалились. На сцене осталось три кучки – пепел, бумага и металл. Над ними в тишине всплыли голографические ценники с начальной стоимостью, вполне соответствующей большим амбициям нового художественного объединения. Ценники также возникли рядом с огнеметом, мольбертами и другими мелочами, которые участвовали в представлении.

Кто-то с задних рядов начал аплодировать. Кто-то встал,

не сдерживая восклицаний восторга. Марк ловил обрывки разговоров, которые напоминали ему куски уничтоженных полотен: невероятно, радикально, решительно, как много тонких связей, какое интересное развитие темы... через пару минут почти вся аудитория стояла, и только несколько человек проследовали к выходу.

Марк, как во сне, продолжал сидеть. Голос с потолка снова заговорил:

– Уважаемые дамы и господа! Давайте поприветствуем людей, которые сегодня от лица группы «the smile» своими руками сегодня сотворили чудо!

Люди в черном вышли и поклонились, не снимая масок. Ясон заметил, что у одного из них трясутся ноги, а у другого, самого правого, по глазам текут слезы. Сзади раздался голосок одного из зрителей:

– Интересно, сколько они заплатили, чтобы испытать такой катарсис здесь, на сцене?..

Черные люди ушли, а аплодисменты понемногу стихали, зрители рассаживались по местам в ожидании начала торгов.

– Благодарим вас за эти аплодисменты, – произнес голос. – Господа, торги начнутся через полчаса, а пока мы предлагаем вам обменяться мнениями с другими сопричастными этому зрелищу и рассмотреть предлагаемые к продаже лоты.

Марк встал и медленной пингвиньей походкой последовал за зрителями своего ряда на выход. Внизу всплескивал

руками экзальтированный Крецнер, приплясывающий рядом с обломками Джаддовских полочек. На душе было гадко, как будто это Марка, а не несчастные полочки облили пахучими химикатами, и очень хотелось переодеться. А еще Марк не мог избавиться от неприятного чувства, что он теперь – соучастник.

Выйдя из зала на воздух, он смог наконец раздышаться. Ясон, к счастью, не ушел – он стоял рядом с урной, но, как ни странно, не курил, а просто крутил в руках зажигалку. Угрожающее напряжение стекало с него, как грязная вода, медленно, но верно уступая место привычной расслабленности последних суток.

Марк вдохнул и постарался оценить произошедшее с профессиональной точки зрения. В конце концов, «the smile» точно не были первыми разрушителями: Ай Вейвей разбивал бесценные вазы династии Хань и рисовал на них бренд Coca-Cola, Лэнди уничтожал свои и чужие работы в борьбе с консьюмеризмом, работы Блек Ле Ра уничтожали дожди, время и другие граффитисты, а Майгис несколько раз ударил ножом «Данаю» Рембранта и полил ее кислотой...

– Мне кажется, ближайшее время это будет очень модно, – произнес Марк с маской циничного профессионала. – Не думаю, что они дойдут до широко известных шедевров, но будут уничтожать что-нибудь такое же, средней известности, и еще зарабатывать на желающих лично уничтожить картину. Ты бы видел, какой ажиотаж поднялся в зале после твоего

ухода.

Ясон кивнул:

– Не сомневаюсь. Очень много коммерческого продукта, годного для продажи: билет на перфоманс, остатки картины, а еще видео, на которое будут драть особо озабоченные поклонники искусства.

Марк не смог понять, что скрывалось за интонациями Ясона.

– Но правда же, идея не нова. У Бредбери сжигали книги, а в кино постоянно страдает «Мона Лиза». Психологически мы уже подошли к этому рубежу.

– Марк, безусловно, ты прав, – ответил Ясон, выпустив клубок дыма в свободное плавание. Он покрутился в свете красных фонарей и, потревоженный брезгливым движением кого-то из выходявших из гаража посетителей, взмыл вверх. – Скажи, тебе это понравилось?

Марка передернуло.

– Конечно, нет. Но современное искусство и не всегда должно нравиться с эстетической точки зрения. Главное – идея. Пресловутое «что-хотел-сказать-автор».

– Ага, – ответил Ясон, выпуская очередной клубок дыма. – Знаешь, в чем плюс того, что «Арго» – моя галерея?

– М-м-м? – послушно отреагировал Марк на риторический вопрос.

– Могу не продавать всякое дерьмо. Даже если это станет модно – я не хочу в этом участвовать. Не сочти меня из-

лишне сентиментальным, но мне приятно жить в мире, где есть «Руанские соборы» Моне, все тридцать версий. И его же «Мост Ватерлоо» в количестве сорока с чем-то штук.

– Ха! – отреагировал Марк. – Это двойные стандарты. Почему же тебе нравится Бэнкси? Напомню, он, между прочим, эффектно разрезал свою «Девочку с шариком» на глазах целой толпы благородной публики на аукционе Сотбис.

Ясон, вопреки ожиданиям Марка, остался довольно серьезным.

– Слушай, у Бэнкси это получается весело. Он не самый глубокомысленный, но один из самых техничных шутников. Меня забавляет, как он это делает, как удивляет и дурачит. К тому же на стене девочка мне всегда нравилась больше, чем на бумаге.

– Удивляюсь, как ты вообще не прогорел с таким-то подходом, – произнес Марк стараясь скрыть облегчение, а потом снова озадачился вопросом, не проверка ли все происходящее.

Ясон ухмыльнулся.

– Знаешь, я начинал со всяких довольно стопроцентных штук.

– Да уж, тебе ли чураться таких вот эпатажных перформансов после полуголых мойщиц машин, на которых вы с Колином заработали?

– Убедил, – ответил Ясон. – Елена дала тебе все полномочия. Ты чуешь, что здесь есть деньги. Я с тобой согласен.

Иди обратно и заключай любую сделку, которую считаешь нужной. Считай, что у тебя карт-бланш. С каждого проданного объекта потом получишь процент – детали обговорим по возвращении. У меня встреча через полчаса, и мне нужно идти. Встретимся за завтраком в отеле.

Он потушил сигарету ногой и подмигнул Марку.

– Не дрейфь. Я не проверяю тебя. И мне бы тоже не хотелось возвращаться из Берлина порожним. Не зря же ты договорился о транспортировке.

Марк чувствовал себя немного растерянным, провожая взглядом Ясона. Постояв еще немного у урны с сигаретами, куда уже подтянулись другие курильщики, он решительно выбросил все лишние мысли из головы и вернулся внутрь склада.

– Тебе понравилось? – спросила Ева, глядя на Ясона, который бездумно водил пальцами по ее ключицам.

Глаза Ясона удивленно расширились, и он невольно задумался, что могло быть сделано не так за прошедший час. Увидев его изумление, Ева расхохоталась.

– Я не про нас, я про «the smile»!

– Не хочу об этом говорить, – пробурчал Ясон, зарываясь носом ей под мышку.

Она опять засмеялась, они немного поборолись, и Ева

снова удобно устроилась в его объятьях.

– Я была уверена, что тебе не понравится.

– Мне не понравилось. Искусствовед Марк уже обвинил меня в отсутствии коммерческой жилки. Можно, мы займемся чем-то более интересным, гарантированно вызывающим улыбку? – спросил он, настойчиво лаская ее грудь.

– О, хотела тебя спросить! А ты понял, почему «the smile»? – Ева явно была настроена на беседу.

Ясон перестал настаивать и, вздохнув, ответил:

– Рассказывай. Но я готов потратить на эту тему не больше пятнадцати минут.

– О'кей, я уложусь. – Ева несколько не обиделась. – Я разговаривала с их лидером. Это было месяца три назад – они тогда еще жгли копии и только мечтали «выйти на новый уровень»: на оригиналы не хватало денег. Хотела бы я знать, кто их спонсировал! – Она перевернулась на живот и посмотрела на Ясона. – Все было как положено: мне завязали глаза, провели в какое-то безликое помещение типа сарая с кучей всяких инструментов, сами художники были в масках и черных костюмах, разговаривали через генератор голоса. Пообещала включить их работы в исследование, и они согласились со мной побеседовать.

– И как, включила?

– Ага, – ответила Ева. – Выжала из себя целую одну строчку. Но я не об этом. В какой-то момент я спросила, почему «the smile». Их лидер возвращает вопрос мне: а какие

у вас ассоциации с улыбкой? Я, конечно, отвечаю, что самая известная улыбка в искусстве принадлежит Моне Лизе. После смайлика, конечно. Он практически обвиняет меня в недостатке образования и начинает объяснять. Оказывается, у Брэдбери был рассказ «Улыбка». Постапокалиптический мир, в котором искусство считается причиной краха цивилизации. Главный герой – мальчик – видит процесс экзекуции картины – разумеется, «Моны Лизы», – и подбирает обрывок с улыбкой, оставшийся от нее.

– Мне кажется, Брэдбери хотел добиться не уничтожения картин, а прямо противоположного эффекта.

– Эти товарищи, – это слово Ева, как обычно, произнесла со славянским акцентом, – считают, что как улыбка, оставшаяся от картины, перевернула мир мальчика, так и они потрясут своих зрителей. Акт разрушения является переосмыслением старинных шедевров, и они как бы сразу обретут виртуальное бессмертие, не зависящее от срока жизни бумаги. А один из художников, самый мелкий, по-моему, произнес, что картин и так слишком много и должны остаться только лучшие, а остальные – быть уничтожены, и это есть эволюция.

– Какие разные бывают оправдания для разрушения, – насмешливо произнес Ясон, закидывая руки за голову.

– Я рада, что ты со мной согласен. А продавать ты это будешь?

– В зависимости от того, купит ли что-то мой помощник, –

ответил он.

– Как здорово иметь помощника, – промурлыкала Ева, подкрадываясь к Ясону ближе. – И вечер свободен, и встать можно попозже...

За завтраком почти не говорили. Марк сгорал от нетерпения, но держался, твердо решив дождаться прямого вопроса. Ясон выглядел немного помятым, но счастливым, из чего Марк справедливо заключил, что вечер с Евой прошел удачно.

Когда они наконец погрузились в машину, чтобы ехать в аэропорт, Марк уже потерял всякую надежду, что Ясон заинтересуется содержимым особого чемоданчика для перевозки произведений искусства, который они с водителем осторожно погрузили в багажник.

Однако кофе наконец подействовал, Ясон немного ожил и наконец задал вопрос:

– Что ты выбрал?

Марк выдержал эффектную паузу, и Ясон продолжил:

– Я бы остановился на кучке пепла от Твомбли. В ней могли остаться несколько не до конца сгоревших элементов, и в описании объекта можно было бы нагнать достаточно романтического флера.

Марк с видом фокусника молча перекинул Ясону изобра-

жение. Он открыл его в приватном режиме и улыбнулся. Перед ним был белый трафарет с силуэтом девочки, черным по краю от брызг краски, и с красными брызгами вокруг шара в форме сердца.

– Неожиданно. Как достал? – спросил Ясон, закрывая картинку.

– Там был один обнищавший коллекционер, который очень хотел поучаствовать в торгах за кучки искусства и отдал мне этот трафарет за смешную цену на условиях, что я переведу ему на счет всю сумму в течение получаса. Я рванул к нему домой, осмотрел этот трафарет, потом договорился еще об одном, с крысой, – и быстро оформил сделку.

– Отлично сработано, Марк.

Марк удовлетворенно кивнул. На самом деле он был рад смотреться вчера со склада, где развернулась нешуточная борьба за останки произведений. Он провозился с упаковкой трафаретов до полуночи, а потом пару часов шлялся по Берлину по тем точкам, которые в своем кратком путеводителе осветила Ева. Город ему в итоге понравился – и старинные районы, и летящее над городом метро, и граффити, и азиатская еда в европейской оболочке. И возможность выбора, которую Берлин предлагал.

– Знаешь, как значится этот трафарет в документах купли-продажи? – спросил Марк продолжающего зевать босса.

– Удиви меня, – сказал Ясон.

– «Надежда», – ответил Марк с каким-то ему самому

непонятым воодушевлением.

Ясон пробурчал что-то вроде «еще не старею» и явно продолжил думать о Еве.